

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 342.9, 342.7, 347.9

Доступ к судебной защите в России и Германии*

Е. В. Гриценко¹, М. Хайнтцен²¹ Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9² Свободный университет Берлина,
Федеративная Республика Германия, 14195, Берлин, Больцманштрассе, 3

Для цитирования: Гриценко, Елена В., Хайнтцен, Маркус. 2019. «Доступ к судебной защите в России и Германии». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 4: 733–755. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.409>

Основания и условия доступа граждан к судебной защите в спорах с государством остаются предметом жарких дискуссий, в том числе в странах, уже накопивших богатый опыт регулирования в этой сфере. В Германии допустимость административного иска традиционно связывается с наличием «защитной нормы» (Schutznorm) и собственного интереса лица в защите его нарушенного субъективного публичного права непосредственно действием (бездействием) публичной власти. Столь жесткий подход к трактовке условий допустимости обращения в суд создает препятствия для доступа индивидуальных субъектов к судебной защите надындивидуальных интересов и коллективных прав. Решение проблемы видится в признании субъективно-правового характера коллективных прав и интересов либо в расширении объекта судебной защиты за счет включения в него, помимо субъективных прав, нарушенных общих прав и интересов более или менее определенного, а также неопределенного круга лиц. Россия с вступлением в силу Кодекса административного судопроизводства с новой остротой ощутила необходимость определения прав, свобод и законных интересов как объекта судебной защиты в спорах граждан с государством, а также актов и действий публичной власти как предмета обжалования. Изучение немецкой теории и практики доступа к суду в спорах с государством способно обогатить российскую правовую систему. В свою очередь, российский опыт социальной поддержки доступа к правосудию и внедрения электронной юстиции может быть полезен в Германии. В статье предлагается

* Настоящая публикация подготовлена в рамках поддержанного Российским фондом фундаментальных исследований научного проекта № 16-03-00465-ОГН «Доступ к судебной защите субъективных публичных прав: пределы, социальная поддержка и перспективы развития в условиях электронного правосудия».

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2019

презентация основных идей и результатов пятой совместной российско-германской конференции, посвященной актуальным проблемам доступа к судебной защите субъективных публичных прав и организованной совместно юридическими факультетами Свободного университета Берлина и Санкт-Петербургского государственного университета при поддержке Немецкого научно-исследовательского общества (*Deutsche Forschungsgemeinschaft, DFG*) и Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ).

Ключевые слова: доступ к правосудию, субъективные публичные права, конституционное судопроизводство, административное судопроизводство, коллективные способы защиты прав, социальная поддержка доступа к суду, электронная юстиция.

1. Введение. Доступ к правовой и судебной защите субъективных прав и интересов особенно значим для государства, претендующего на то, чтобы называться правовым. Это не только объективно-правовой принцип и субъективное право, имеющее конституционную природу и международно-правовое признание, но и первичное условие, а также гарантия эффективной судебной защиты любых прав и свобод. Доступ к праву и суду обеспечивается в первую очередь созданием эффективной, компетентной и справедливой системы судебной защиты, а также установлением необходимых правил и процедур. Таким образом, проблема доступности правосудия имеет многоаспектный характер и включает в себя судоустройственную, финансовую, организационную и процессуальную стороны. В разных национальных правовых порядках, в которых уже достаточно давно утвердилась доктрина доступа к суду, несмотря на известную универсальность решаемых проблем, можно обнаружить немало особенностей в трактовке этого принципа и права, его содержания, пределов и истоков.

Правила и процедуры доступа к суду формируются в каждом национальном правовом порядке с учетом собственного уникального исторического, законодательного, правоприменительного и доктринального опыта, взаимное изучение которого способно обогатить национальную практику, преодолеть узость национального подхода, выйти на новые, оригинальные решения. Проблемы доступа к правосудию в разное время уже становились предметом сравнительно-правовых исследований, форумов, дискуссий (Сох 2012), в том числе в Российской Федерации, где этими вопросами занимались главным образом представители науки процессуального права (Абова 2000; Приходько и др. 2001; Жуйков 2006).

Наиболее известны результаты ряда флорентийских исследовательских проектов с общим названием *Access to justice* под руководством ученого-процессуалиста и компаративиста с мировым именем Мауро Каппеллетти, опубликованные в четырех книгах и шести томах в 1978–1979 гг. (Cappelletti (ed.) 1978; 1979a; 1979b; 1979в), а также получившие развитие в целом ряде более поздних обобщающих публикаций (Cappelletti (ed.) 1981; 1989). Уже тогда ученые обратили внимание на последовательную эволюцию гарантий доступа к правосудию в социальном государстве, или государстве всеобщего благосостояния (*welfare state*), которое призвано обеспечить социальные права наряду с признанием идеалов индивидуальной свободы и инициативы. Если первая волна движения за доступ к суду (*the access to justice movement*) сопровождалась реформами, направленными на обеспечение такого доступа для малоимущих, в том числе путем создания эффективной системы

правовой помощи и консультирования, то вторая волна была связана с поддержкой правового представительства недопредставленных «диффузных», «фрагментированных» или коллективных интересов, включая потребительские и экологические, а также интересы национальных или социальных групп — национальных меньшинств, инвалидов, женщин, престарелых. Таким образом, двусторонний судебный процесс дополнился судебным процессом с участием групп, третьих лиц и в защиту групповых интересов и интересов неопределенного круга лиц. Наконец, третья волна движения за доступ к суду ассоциировалась в первую очередь с потребностями в упрощении и деbüroкратизации судебного процесса, поиском альтернативных способов разрешения споров сопровождалась попытками сделать процесс разрешения конфликтов менее формальным, менее затратным и менее «юридическим» (Cappelletti (ed.) 1981, vi–vii).

В современных условиях названные тенденции сохраняют актуальность, а движение за доступ к правосудию в разных правовых порядках сталкивается с новыми вызовами. И это не только проблемы выбора оптимального способа правовой и судебной защиты, определения надлежащего суда, разграничения подведомственности, преодоления конфликта юрисдикций, но и вызовы информационного общества, вопросы обеспечения доступа к правосудию социально слабых слоев населения, проблема преодоления перегруженности судов. В Российской Федерации это движение связано, помимо прочего, с необходимостью восполнения пробелов в теоретическом обосновании и практическом обеспечении доступа к правовой и судебной защите в публично-правовой сфере при разрешении конфликтов граждан с публичной властью.

Наличие эффективного механизма защиты субъективных публичных прав и доступа к такой защите — важнейшая черта правового государства. Значительный интерес представляет сравнительный анализ выработанных в национальном конституционном, административном и процессуальном праве подходов, а также исследование пределов универсальности возникающих проблем и возможностей их решения, в том числе с помощью инструментов международного и наднационального права. Правила и процедуры доступа к суду в защиту субъективных прав в спорах с государством формируются в каждом национальном правовом порядке с учетом собственного уникального исторического, законодательного, правоприменительного и доктринального опыта. Взаимное изучение этого опыта способно обогатить национальную практику, преодолеть узость национального подхода, помочь выйти на новые, оригинальные решения.

Выбор российской и германской примеров в качестве объектов сравнения неслучаен. Россия, как и Германия, принадлежит к континентальной правовой семье, провозглашает себя федеративным демократическим правовым и социальным государством (ср.: ч. 1 ст. 1, ст. 7, ст. 18 Конституции РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993)¹ и абз. 3 ст. 1, абз. 1 и 3 ст. 20 Основного закона Германии от 23.05.1949)², включает общепризнанные принципы и нормы международного права в состав своей правовой системы и устанавливает их приоритет наряду с Конститу-

¹ Здесь и далее все ссылки на нормативно-правовые акты и судебную практику приводятся по СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения 1 октября, 2018. <http://www.consultant.ru>.

² Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland vom 23.05.1949 (BGBl. I. S. 1) zuletzt durch Artikel 1 des Gesetzes vom 28.03.2019 (BGBl. I. S. 404) geändert.

цией над иными нормами национального права (ср.: ч. 4 ст. 15 и ч. 1 ст. 17 Конституции РФ и ст. 25 Основного закона Германии), не исключает передачи части полномочий государства межгосударственным объединениям и тем самым допускает создание наднациональных систем правовой защиты (ср.: ст. 79 Конституции РФ и ст. 23 Основного закона Германии). При этом в обеих странах придают конституционное значение принципам организации и осуществления судебной власти, процессуальным гарантиям (право на законный суд, запрет обратной силы закона и др.). Конституции обеих стран, провозглашая право на судебную защиту, особо подчеркивают право на защиту от действий и решений публичной власти (ср.: ч. 2 ст. 46 Конституции РФ и абз. 4 ст. 19 Основного закона Германии). Тем самым создается основа для дифференциации видов судопроизводства и процессуальных форм защиты, выделения административного судопроизводства в качестве самостоятельной формы судебной защиты.

В то же время отмеченные точки соприкосновения никоим образом не означают идентичного подхода к трактовке доступа к судебной защите в Германии и России.

2. Понятие и значение доступа к суду в защиту субъективных публичных прав в российском и германском праве. В Германии само понятие доступа к суду и судебной защите (*Zugang zum Gericht und zu gerichtlichem Rechtsschutz*) рассматривается как прямой перевод привнесенного из англосаксонской системы термина *access to justice*. В германском конституционном праве это понятие связано с гарантией открытия для заявителя правового (в смысле судебного) пути (*Rechtsweggarantie*) и охватывает право на обращение с иском, досудебное производство, условия доступа к суду, в частности соблюдение сроков, а также восстановление процесса (Huber 2010, Rn. 360, S. 1860).

Таким образом, немецкий подход предполагает имманентную связь доступа к суду с обеспечением основного формального права на беспрепятственную (абсолютную) судебную защиту *своих нарушенных прав* от вмешательства публичной власти согласно абз. 4 ст. 19 Основного закона Германии, что отражает идею *правового государства*. Сравнивая данный подход с англосаксонской трактовкой *access to justice*, в частности с американской доктриной доступа к суду, нельзя не заметить существенных особенностей последней, обусловленных, с одной стороны, спецификой реализации принципа *rule of law* в американской системе, а с другой — трактовкой способности индивида получить доступ к суду в качестве фундаментального элемента американской демократии (Andrews 1999, 557). Не случайно право на доступ к суду здесь выводится из доктрины свободы слова, а именно из «петиционной оговорки», содержащейся в Первой поправке к Конституции США³, закрепляющей недопустимость издания Конгрессом каких-либо законов, ограничивающих свободу слова, а также право народа на обращение к правительству с петициями об удовлетворении жалоб. Соответственно право на обращение в суд, хотя и ограничено юрисдикцией суда, является отражением демократической сущности аме-

---

³ Конгресс не должен издавать ни одного закона, относящегося к установлению религии, либо запрещающего свободное ее исповедание, либо ограничивающего свободу слова или печати, или право народа мирно собираться и обращаться к правительству с петициями об удовлетворении жалоб (Текст Конституции США на русском языке см.: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnstUS.htm>).

риканского правопорядка и фундаментальным элементом демократии (см. также: Vladek 2009).

Констатируя различия в конституционных истоках доступа к суду в немецком и американском правопорядках, не следует игнорировать тесную взаимосвязь, взаимовлияние и сближение различных национальных подходов. Так, и в Германии распространена функциональная демократическая теория основных прав (*funktional demokratisches Grundrechtsverständnis*) (изложение теории и ее критический анализ см.: Klein 1972, 20 ff.; Kröger 1978, 27 ff.; Cremer 2003, 190 ff). Кроме того, доступ к суду в Германии рассматривается ныне не просто как право и гарантия индивидуальной и коллективной субъективно-правовой защиты, но и как средство обеспечения демократии. В частности, изменение требований к условиям допустимости обращений граждан и их объединений в спорах с государством в направлении расширительного толкования объекта защиты — не только индивидуальных субъективных публичных прав, но и интересов общественности, коллективных прав — рассматривается как следствие процессов демократизации публичного управления (Voigts 2016, 76–79). Индивидуальный доступ к конституционному правосудию позволяет заинтересованным лицам самостоятельно защитить свои конституционно гарантированные права на свободу и равенство, если они нарушены, не только в споре с правоприменителем, но и в споре с законодателем. Тем самым основные права в своей защитной функции обеспечивают демократический порядок. Законодатель не может считаться демократическим только на том основании, что он следует воле парламентского большинства. Он отвечает требованиям демократии лишь тогда, когда соблюдает индивидуальные основные права, т. е. когда он ими связан.

В российской литературе до сих пор не распространен анализ доступа к суду в контексте демократической государственности. Доступ к суду традиционно рассматривается как гарантия и элемент права на судебную защиту в рамках идеи правового государства и верховенства права, а в уголовно-процессуальной сфере — и как средство обеспечения фундаментального права на защиту достоинства личности⁴. Именно такой подход последовательно поддерживается в решениях Конституционного суда РФ (далее — КС РФ) (п. 4 мотивировочной части Постановления КС РФ от 03.05.1995 № 4-П «По делу о проверке конституционности ст. 220.1 и 220.2 УПК РСФСР в связи с жалобой В. А. Аветяна»; п. 6 мотивировочной части Постановления КС РФ от 02.02.1996 № 4-П «По делу о проверке конституционности п. 5 ч. 2 ст. 371, ч. 3 ст. 374 и п. 4 ч. 2 ст. 384 УПК РСФСР в связи с жалобами К. М. Кульнева, В. С. Лалуева, Ю. В. Лукашова и И. П. Серебренникова»; п. 5 мотивировочной части Постановления КС РФ от 15.01.1999 № 1-П «По делу о проверке конституционности положений ч. 1 и 2 ст. 295 УПК РСФСР в связи с жалобой М. А. Клюева»; п. 3.2 мотивировочной части Постановления КС РФ от 19.07.2011 № 18-П «По делу о проверке конституционности положения ч. 2 ст. 135 УПК РСФСР в связи

---

⁴ Указание на фундаментальный и всеобъемлющий характер права на защиту достоинства в определенной степени созвучно с немецкой гарантией человеческого достоинства, занимающей центральное место во всей конституционной системе. При этом германская Конституция идет дальше российской, не просто придавая в соответствии с абз. 1 ст. 1 Основного закона достоинству качество субъективного права на его защиту, но и рассматривая достоинство как основу и источник всех основных прав (см. подробнее: Gusy 2004).

с жалобой В. С. Шашарина»; п. 3 мотивировочной части Постановления КС РФ от 23.11.2017 № 32-П «По делу о проверке конституционности ст. 21 и 21.1 Закона РФ «О государственной тайне» в связи с жалобой гражданина Е. Ю. Горovenko» и др.). Не вызывает дискуссий и данное высшими российскими судами системное толкование ст. 17 и 18, ч. 1 и 2 ст. 46, ст. 52 Конституции РФ о том, что «*право на судебную защиту и доступ к правосудию* (курсив наш. — Е. Г., М. Х.) относится к основным неотчуждаемым правам и свободам человека и одновременно выступает гарантией всех других прав и свобод» (п. 2 абз. 1 мотивировочной части Постановления КС РФ от 05.02.2007 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений ст. 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 ГПК РФ в связи с запросом Кабинета министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ «Нижнекамскнефтехим» и «Хакасэнерго», а также жалобами ряда граждан» (далее — Постановление КС РФ от 05.02.2007 № 2-П); Обзор судебной практики Верховного суда РФ № 1 (2016), утв. Президиумом Верховного суда РФ 13.04.2016). Как видно из приведенной позиции, особенность российского конституционного подхода состоит в том, что право на доступ к правосудию интегрировано в право каждого на судебную защиту. Этим обусловлены и некоторые доктринальные трудности при установлении пределов собственного нормативного содержания права на доступ к суду и принципа доступности правосудия.

Так, в российской юридической литературе весьма распространена широкая трактовка доступности правосудия. В нее включаются и те аспекты осуществления судебной власти, которые касаются рассмотрения дела. Как отмечала И. Б. Михайловская, «доступность судебной защиты определяется характером правового регулирования не только порядка обращения в суд, но и *всей процедуры рассмотрения дел* (курсив наш. — Е. Г., М. Х.), а также организационно-техническими факторами, которые влияют на реальную возможность использования права на судебную защиту» (Михайловская 2003, 47–48). Достаточно широкую трактовку принципа доступности правосудия дает и Е. Б. Абросимова, указывая, что сущность этого принципа заключается в отсутствии чрезмерных, необоснованных правовых и практических препятствий для рассмотрения дела в суде, и называя в качестве элементов принципа свободного доступа к правосудию, помимо субъективного права на равный доступ к суду (субъектный элемент) и универсальной компетенции суда (компетенционный элемент), также право на законный суд (правило ординарного суда и должного судьи как институциональный элемент доступа к суду) и состязательность судебной процедуры (процессуальный элемент) (Абросимова 2001, 173; 2003, 241–242). Широкий подход к трактовке принципа доступности правосудия поддерживается и в работах последнего десятилетия. Так, С. В. Баранов относит к элементам доступности правосудия в том числе такие гарантии, как право быть выслушанным в суде, ознакомиться со всеми представленными суду доказательствами и материалами, заявить ходатайства, получить необходимую помощь со стороны суда в истребовании доказательств, в разумные сроки получить разрешение дела, а также гарантии исполнения судебного акта (Баранов 2011, 9–12). Раскрывая эволюцию идей доступности правосудия в правовой науке и практике Европейского суда по правам человека (далее — ЕСПЧ), Е. Фокин также связывает право на доступ к эффективному и реальному правосудию в широком смысле с содержательными характеристиками судебной деятельности, включающими не только право

быть услышанным в ходе судебного разбирательства и право на содержательную, ясную и четкую характеристику доводов заявителя со стороны суда при вынесении решения, но и исполнимость судебного постановления (Фокин 2018, 108–109). Вместе с тем столь широкий взгляд на доступ к правосудию приводит к размыванию собственного содержания доступа к суду, его смешению с другими принципами осуществления правосудия и процессуальными правами.

Право и принцип доступа к правосудию имеют самостоятельное конвенционное и конституционное значение как элементы права на судебную защиту и принципа справедливого судебного разбирательства. Как указал ЕСПЧ в прецедентном решении по делу *Голдер (Golder) против Соединенного Королевства*, право на доступ к суду, без которого немислимо верховенство права, связано прежде всего с возможностью инициировать судебное производство (п. 34, 36 Постановления ЕСПЧ от 21.02.1975; о данном Постановлении ЕСПЧ см. подробнее: Harlow 1999; Jones 2003; Гаджиев 2019, 93–94; Харрис и др. 2018, 538; Фокин 2018, 103–106). Соответственно доступ к суду охватывает условия реализации субъектом его права на обращение в суд: требования к субъекту обращения и самому обращению, условия допустимости обращения и определение надлежащего суда, в который обращение направляется.

На необходимость обеспечения указанных условий доступа к правосудию как на задачу законодателя неоднократно обращал внимание и КС РФ⁵. При этом он сам призван следить за соблюдением законодателем конституционных рамок в процессе регулирования порядка обращения за судебной защитой и разграничения подведомственности и подсудности между судами единой судебной системы (п. 2.2 абз. 2 мотивировочной части Постановления КС РФ от 05.02.2007 № 2-П; по вопросу о разграничении подведомственности судов в сфере судебного нормоконтроля см.: Постановление КС РФ от 16.06.1998 № 19-П о толковании отдельных положений ст. 125, 126 и 127 Конституции РФ).

Конституционный суд РФ в своих решениях постоянно подтверждает особое конституционное значение гарантий доступа к судебной защите каждого в спорах с государством в лице любых его органов (см. абз. 1 п. 2 мотивировочной части Постановления КС РФ от 23.11.2017 № 32-П со ссылками на предшествующие решения). Значением указанных гарантий обусловлены и то внимание, которое уделяется в современных российских правовых исследованиях концепции субъективных публичных прав как самостоятельному объекту судебной защиты, и тот интерес, который проявляется к немецкому опыту доступа к суду в публично-правовой сфере (Мицкевич 2004; Васильева 2009; Гриценко 2016; Сеницын 2016). Указанный интерес предопределен исторически: именно в Германии получила развитие теория субъективных публичных прав, которая была воспринята в российском дореволю-

---

⁵ Конституционный суд РФ, в частности, указывал, что реализация доступа к правосудию как права и принципа возлагает на законодателя обязанность по созданию эффективного механизма такого доступа, в том числе «системы судебных инстанций, последовательности и процедур обжалования, оснований для отмены или изменения судебных постановлений вышестоящими судами, полномочий судов вышестоящих инстанций» (см., напр., с дальнейшими ссылками: п. 2 абз. 3 мотивировочной части Постановления от 20.02.2006 № 1-П «По делу о проверке конституционности положения ст. 336 ГПК РФ в связи с жалобами граждан К. А. Инешина, Н. С. Никонова и открытого акционерного общества «Нижнекамскнефтехим»»).

ционном праве в начале XX в. (Рождественский 1913; Елистратов 1913; Кистяковский 1916).

Изначально немецкая концепция субъективных публичных прав относилась ко всему публичному праву (Jhering 1865; Jellinek 1892). Впоследствии она стала трактоваться преимущественно в административно-правовом ключе. В соответствии со ставшим уже классическим определением Отмара Бюлера, данным еще в 1914 г., во времена Германской империи, субъективное публичное право определялось как «такое правовое положение подданного по отношению к государству, в котором он, основываясь на сделке или принятой в целях защиты его индивидуальных интересов императивной правовой норме, на которую он должен иметь возможность сослаться перед органом управления, может что-то требовать от государства или что-то делать по отношению к нему» (Bühler 1914, 224). В современной литературе сформировался основной консенсус по поводу того, что субъективное публичное право представляет собой признанное в силу норм публичного права правомочие индивида требовать от государства в целях удовлетворения собственных интересов определенного поведения — действия, воздержания от действия или бездействия (Voßkuhle, Kaiser 2009, 17). Преобладает узкая трактовка субъективного публичного права, которое реализуется только в отношениях «гражданин — государство», но не в отношениях между публичными субъектами. Кроме того, субъективное публичное право в немецкой доктрине связано с теорией защитной нормы, которая предполагает выполнение достаточно жестких требований по выявлению затронутого нормой индивидуального интереса как условия доступа к судебной защите.

Специфика субъективного публичного права не может быть определена без аспекта его конституционализации, т. е. соотношения с основными правами. По общему правилу такие права проявляются в нормах текущего законодательства и конкретизируются в них как субъективные публичные права. Данная их функция получила в немецкой литературе наименование «действие основных прав через нормы текущего законодательства» (*norminterne Wirkung*). Обнаруженные в законодательстве субъективные публичные права подлежат истолкованию в соответствии с положениями Конституции Германии и в духе основных конституционных прав. Этим, однако, роль последних не исчерпывается. Как непосредственно действующие, они при определенных обстоятельствах могут быть реализованы и вне норм обычного закона (*normexterne Wirkung*), когда из них выводится право на обжалование (*Klagebefugnis*) в административном процессе. Вместе с тем в этой второй своей функции основные права выступают лишь в тех исключительных случаях, когда в обычных законах не удается обнаружить нормы, наделяющие лицо соответствующим правомочием. Общим же является правило, в соответствии с которым для того, чтобы определить, существует ли то или иное субъективное публичное право, сперва необходимо обратиться к положениям обычных законов, так как они в данном случае имеют приоритет в применении (*Anwendungsvorrang des "einfachen Rechts"*) (Kahl, Ohlendorf 2010, 874; Scherzberg 2006, 842–843). Наконец, основные права реализуются как субъективные публичные права в рамках индивидуального доступа к конституционному правосудию, которое позволяет заинтересованным лицам самостоятельно защитить свои конституционно гаран-

тированные свободу и равенство, если они нарушены, не только в споре с правоприменителем, но и в споре с законодателем.

Итак, в современном немецком правопорядке уже сложились доктрины субъективных публичных прав как объекта административно-судебной защиты, основных прав как в первую очередь субъективных публичных прав, достаточно разработан вопрос об условиях доступа к их защите в рамках административного и конституционного правосудия, а также применяются разветвленная типология административных исков в зависимости от характера заявляемых требований и институт конституционной жалобы как самостоятельный способ конституционно-судебной защиты основных прав.

В России развитая доктрина в указанных направлениях пока отсутствует. Однако после конституционной реформы судебной системы в 2014 г. и вступления в силу в сентябре 2015 г. Кодекса административного судопроизводства РФ от 08.03.2015 № 21-ФЗ (далее — КАС РФ) вопросы становления и развития административной юстиции наряду с другими видами судопроизводства приобрели особую актуальность. В доктринальной проработке нуждаются, в частности, вопросы о новых формах судебной защиты в рамках административного судопроизводства, а именно: коллективные иски, защита прав третьих лиц и неопределенного круга лиц. Поскольку эти вопросы достаточно глубоко проработаны в немецкой правовой науке и судебной практике, накопленный опыт может быть весьма полезен для России. В то же время и в немецкой доктрине и практике политико-правовая тема коллективных способов судебной защиты, как и тема электронного правосудия, подвержена постоянным изменениям, особенно с учетом влияния права Европейского союза.

Таким образом, тема доступа к судебной защите актуальна для обеих стран, хотя эта актуальность и проявляется по-разному. В России она связана в первую очередь с необходимостью отстаивать идею правового государства, поиском адекватных процессуальных форм защиты субъективных прав, в Германии же данный этап в основном уже пройден. В обеих странах идет поиск ответов на новые вызовы, обусловленные развитием информационного общества, социальной дифференциацией и усложнением доступа к правосудию для отдельных категорий граждан, конфликтами юрисдикций и поиском баланса между ними, в частности между национальным, наднациональным и международным уровнями правовой защиты. Многие вопросы, подлежащие решению, отличаются универсальностью. Примечательно, что не только немецкий опыт обеспечения доступа к правосудию представляет ценность для России, но и российский опыт социальной поддержки такого доступа, как и внедрения электронной юстиции, интересен для Германии.

3. Новые вызовы в сфере обеспечения доступа к судебной защите субъективных публичных прав в России и Германии. Не случайно все обозначенные выше вопросы оказались в фокусе внимания сравнительно-правовой российско-германской конференции «Доступ к судебной защите в Германии и России», прошедшей 10–12 мая 2017 г. в Берлине и организованной Свободным университетом Берлина (далее — СУБ) в сотрудничестве с Санкт-Петербургским государственным университетом (далее — СПбГУ) при поддержке Немецкого научно-исследовательского общества (*Deutsche Forschungsgemeinschaft — DFG*) и в рамках реализуемого с 2016 г. научного проекта РГНФ/РФФИ № 16-03-00465-ОГН.

Российско-германская конференция по проблемам доступа к правосудию стала важным результатом долгосрочного сотрудничества ученых-юристов из СУБ и СПбГУ. Партнерство, зародившееся 50 лет назад, еще в 1968 г., когда был заключен первый договор о сотрудничестве между Ленинградским государственным университетом им. А. А. Жданова и СУБ, имеет богатую историю. Однако новый импульс оно получило более десяти лет назад, в 2008 г., когда в СПбГУ прибыла делегация из СУБ во главе с профессором Маркусом Хайнтценом и было заключено дополнительное соглашение о сотрудничестве между университетами по направлению «Юриспруденция», впоследствии подкрепленное соглашением 2012 г. о стратегическом партнерстве между вузами.

Все это способствовало формированию устойчивой рабочей группы из числа ученых-юристов СПбГУ и СУБ, проводящих сравнительно-правовые исследования и осуществляющих регулярный обмен мнениями по различным актуальным междисциплинарным темам. Так утвердилась традиция российско-германских симпозиумов СПбГУ и СУБ, на которых в разные годы обсуждались весьма острые и представляющие взаимный интерес темы: межбюджетные отношения и финансовое выравнивание (2011) (Килинкарлова 2012), публичные услуги после кризиса (2012), доступ к информации и защита персональных данных (2013), региональная экономическая интеграция (2014).

Встреча в Берлине по проблемам доступа к правосудию в России и Германии стала пятым совместным научным мероприятием, организованным уже не просто в формате рабочей группы, а как полноценная научно-практическая конференция. Помимо ученых из университетов — партнеров, постоянных участников совместных симпозиумов и рабочих групп СПбГУ и СУБ, в конференции приняли участие и другие известные немецкие ученые и практики, специализирующиеся на исследованиях в области российского и восточноевропейского права, занятые в экспертной работе и в российско-германском правовом диалоге (Александр Бланкенгель (*Alexander Blankenagel*) и Розмари Вилл (*Rosemarie Will*), Гумбольдтский университет Берлина; Антье Химмельрайх (*Antje Himmelreich*), Институт восточноевропейского права, Мюнхен/Регенсбург; Каролина фон Галль (*Caroline von Gall*), Кёльнский университет; Райнер Ведде (*Reiner Wedde*), Германо-российская ассоциация юристов, Высшая школа Рейн-Майн; Ульрих Швенкерт (*Ulrich Schwenkert*), председательствующий судья Финансового суда Берлина — Бранденбурга; Ольга Кылина (*Olga Kyлина*), Университет Пассау; Кристиан Шайх (*Christian Schaich*), Центр восточноевропейских и международных исследований, Берлин), а также признанные российские ученые-процессуалисты и административисты из Екатеринбурга и Красноярска (Владимир Ярков и Константин Брановицкий, Уральский государственный юридический университет; Анна Васильева, Сибирский федеральный университет).

В течение двух дней ученые и практики из России и Германии обсуждали наиболее актуальные вопросы доступа к правосудию в обеих странах в междисциплинарном и сравнительно-правовом аспектах, пытаясь сопоставить накопленный опыт, выявить проблемные моменты и болевые точки в законодательстве и практике, а также выработать рекомендации по повышению доступности правосудия. Дискуссия развивалась в рамках четырех панелей.

Первая панель конференции была посвящена теоретическим основам субъективного права, способам его защиты и защиты прав третьих лиц в конституционном и административном судебном процессе. Профессор Свободного университета Берлина *Хельге Зодан (Helge Sodan)* в докладе «Субъективное публичное право: основополагающие вопросы» убедительно показал, что в течение последних десятилетий основные вопросы, касающиеся темы субъективных публичных прав, в Германии в целом решены. Немецкая судебная практика, несмотря на усиливающуюся критику со стороны правовой науки, придерживается сложившейся концепции. Вместе с тем обостряются противоречия в трактовке условий доступа к правосудию в Германии и Суде ЕС, который интерпретирует условия допустимости обращения значительно либеральнее, чем немецкие суды. Европейское право влияет на изменения в национальном законодательстве, расширительно трактуя возможности обжалования действий публичной администрации. Правомочие на предъявление иска в соответствии с законодательством ЕС существует при наличии заслуживающего защиты интереса (а не субъективного публичного права, как того требует немецкий подход). Иск допустим, если интерес истца непосредственно относится к сфере общественного интереса, на защиту которого направлена соответствующая норма (Sodan 2018, Rn. 365).

Профессор Гумбольдтского университета Берлина в отставке *Розмари Вилл (Rosemarie Will)* обратилась к теме «Доступ к судебной защите в рамках конституционного правосудия», сосредоточив внимание на актуальных реформах, происходящих в Германии и направленных на упорядочение доступа граждан к конституционному правосудию. Сама по себе конституционная юстиция как способ судебной защиты субъективных прав не охватывается международно-правовыми и европейскими гарантиями, что, однако, не умаляет ее значимости. В доктрину и практику многих стран уже пришло осознание того, что сильная конституционная юстиция способствует защите основных прав и укреплению демократии. В то же время эффективность данного способа судебной защиты в Германии сталкивается с проблемой перегруженности Федерального конституционного суда (далее — ФКС) и ограниченности в связи с этим его возможностей по рассмотрению дел. Введение в Законе о ФКС⁶ производства по принятию жалоб (*Annahmeverfahren*) не решает проблему, а создает дополнительные препятствия для доступа граждан к конституционному правосудию, поскольку осуществляется внутри аппарата и непрозрачно. Подобная ситуация порождает новую дискуссию об альтернативных вариантах производства по принятию конституционных жалоб к рассмотрению, которое должно осуществляться более свободно и прозрачно.

Профессор СПбГУ *Елена Гриценко* выступила с докладом «Субъективное право как объект судебной защиты в рамках административного судопроизводства в Российской Федерации», затронув сравнительный аспект этой темы, предложив авторскую периодизацию этапов развития теории субъективных прав в России и раскрыв особенности современного понимания субъективного права как межотраслевой категории, а также причины актуализации дискуссии вокруг

---

⁶ Закон о Федеральном конституционном суде Германии: Gesetz über das Bundesverfassungsgericht — Bundesverfassungsgerichtsgesetz — BVerfGG v. 12.03.1951 (BGBl. I. S. 243) i. d. F. des Gesetzes vom 11.08.1993 (BGBl. I. S. 1473), zuletzt geändert durch Artikel 2 des Gesetzes vom 08.10.2017 (BGBl. I. S. 3546).

субъективных публичных прав и подходы к их трактовке. Несмотря на оформление административного судопроизводства как самостоятельного способа защиты субъективных публичных прав и принятие нового КАС, сохраняются проблемы в развитии и применении административного правосудия. Причины такого положения кроются в недостаточной проработке как материально-правовых основ данного способа судебной защиты, так и процессуальных особенностей административного судопроизводства. Для развития российской доктрины и практики в этом направлении немецкий опыт защиты субъективных публичных прав представляет особый интерес, причем не только с позиций творческой адаптации удачных образцов, но и с точки зрения осознания невозможности и нецелесообразности отдельных заимствований. В частности, прочно утвердившийся в немецкой доктрине и основанный на теории защитной нормы достаточно жесткий подход к трактовке условий допустимости административного иска не следует автоматически переносить на российскую почву. Согласно этой доктрине, иск допустим только в том случае, когда у истца наличествует собственный интерес в защите субъективного публичного права как затронутого и нарушенного непосредственно, персонально и в данный момент в результате издания, отказа в издании административного акта или бездействия публичной администрации, а применимое право направлено на защиту такого интереса. Отступления от указанного общего правила допускаются только в случаях, прямо предусмотренных законом. Подобный подход создает препятствия для граждан и их объединений в доступе к судебной защите надындивидуальных интересов и коллективных по своей природе прав, а также к использованию коллективных форм защиты таких прав и интересов. В российском процессуальном праве личная заинтересованность (затронутость) также выступает условием допустимости обращения гражданина в суд. Однако трактуется она значительно либеральнее: речь идет не только о нарушенном субъективном праве или законном интересе, но и об угрозе их нарушения. Соответственно у индивидов существует возможность обращения с административным иском заявлением о признании нормативного правового акта не действующим полностью или в части, и если лицо является субъектом отношений, регулируемых оспариваемым нормативным правовым актом, и если оно полагает, что оспариваемым актом нарушены, нарушаются или могут быть нарушены его права, свободы и законные интересы. Заявителями могут быть лица, в отношении которых применен этот акт, а также иные лица, чьи права, свободы, законные интересы затрагиваются данным актом (п. 3 ч. 1 ст. 128, ч. 1 ст. 208 КАС РФ в интерпретации п. 5 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 25.12.2018 № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами»). Кроме того, существуют специальные механизмы защиты общих интересов или интересов неопределенного круга лиц, коллективных прав и публичных интересов. Вместе с тем возможности и условия использования гражданами этих средств судебной защиты остаются в усмотрении уполномоченных субъектов и пока не получили в российской правовой доктрине необходимой проработки как средства правовой защиты субъективных публичных прав.

Профессор СПбГУ *Наталья Шевелева*, доценты СПбГУ *Маргарита Кустова* и *Алексей Должиков* обратились к анализу доступа к правовой и судебной защи-

те участников отдельных видов публичных правоотношений в Российской Федерации — бюджетных, налоговых и избирательных соответственно. Н. Шевелева в докладе «Доступ к судебной защите участников бюджетных правоотношений по российскому праву» отметила отсутствие четкости в разграничении подведомственности между судами общей юрисдикции и арбитражными судами по бюджетным спорам, указав, что все они в конечном счете имеют корни в произведенном законодателем разграничении полномочий между публичными субъектами. В связи с этим неудивительно, что подобные споры зачастую приобретают конституционный характер. Яркая иллюстрация этого вывода — анализ практики Конституционного суда РФ с 2014 по 2017 г. по защите прав муниципальных образований в бюджетной сфере (см. подробнее: Шевелева 2018). М. Кустова выступила с докладом на тему «Гарантии прав налогоплательщиков в процедурах досудебного обжалования в Российской Федерации». На основе анализа налогового законодательства и законодательства об административных правонарушениях, а также правовых позиций высших судов РФ она обратила внимание на непоследовательность как законодателя, так и судебных органов в обеспечении указанных гарантий в результате рассогласованности различных отраслей законодательства при определении порядка вступления в силу юрисдикционных актов, отсутствия необходимого регулирования порядка отмены вышестоящим органом принятого налоговым органом юрисдикционного решения, недостаточной эффективности и ограниченности гражданско-правовых способов защиты публичного имущественного интереса (см. подробнее: Кустова 2018). А. Должиков, раскрывая тему «Доступ к административному судопроизводству в делах о защите избирательных прав в Российской Федерации», обратил внимание не только на правовые, но и на неправовые факторы, влияющие на доступ к защите политических прав, раскрыл особенности избирательных прав как объекта административно-судебной защиты, а также условия допустимости административных исков в защиту избирательных прав и особенности предмета обжалования по данной категории дел.

Особый интерес в контексте теоретических основ доступа к суду вызвали два доклада с немецкой и российской сторон о таком слабоизученном в российской юридической науке ограничении права на судебную защиту и доступ к правосудию, как преклюзия, которая выражается в утрате права на возражение, представление доказательств и использование других средств защиты в случае своевременного неиспользования своих прав участником процесса.

Системно представленный в докладе профессора СУБ *Маркуса Хайнтцена* «Преклюзия и другие функциональные инструменты в системе административно-судебной защиты прав в Германии» взгляд на немецкую модель преклюзии, на ее конституционно-правовые основания и соотношение с международными стандартами права на справедливое судебное разбирательство, на особенности преклюзии в административном судопроизводстве, а также на современные тенденции ослабления действия преклюзивных санкций под влиянием права Европейского союза может быть полезен для развития данного института в России. Согласно позиции ФКС Германии, высказанной еще в решении по делу Засбах от 08.07.1982 (*Sasbach-Beschluss*, BVerfGE 61, 82, 109 ff.), формальная и также материальная преклюзия совместима с гарантией эффективной правовой защиты, закрепленной в абз. 4 ст. 19 Основного закона Германии, а также с конституционными

требованиями законного судьи (предл. 2 абз. 1 ст. 101 Основного закона) и правом быть выслушанным в суде (абз. 1 ст. 103 Основного закона), если при этом соблюдаются условия, что закон ясно и недвусмысленно ссылается на преклюзию, определяет ее объем и что установленный срок, по истечении которого утрачивается право на возражение, не является несоразмерно коротким. Преклюзия служит целям обеспечения правовой безопасности и стабильности, а также процессуальной эффективности. Вместе с тем эти аргументы не оказались достаточными для оправдания ограничений в Суде ЕС, который в решении от 15.10.2015 (EuGH, Urteil v. 15.10.2015 ECLI:EU:C:2015:683, NVwZ 2015, 1665) признал немецкое законодательное положение о материальной преклюзии для экологических объединений несовместимым с двумя директивами Европейского союза, гарантировавшими общественности, права которой затрагиваются оказывающими воздействие на окружающую природную среду проектами, широкий доступ к судам. Указанная позиция Суда ЕС вызвала серьезную критику среди немецких административистов (Siegel 2016), тем более что и в соответствии с европейскими нормами национальному законодателю предоставляется возможность издавать предписания в целях обеспечения эффективности судебных процессов, чтобы исключить злоупотребление правом или ложные доводы. Причем какого-либо обоснования, почему оба аргумента о правовой безопасности и процессуальной эффективности неубедительны, Суд ЕС не дал. Обнаружившаяся коллизия в практике национальных судов Германии и Суда ЕС не должна служить основанием для отказа от немецкой модели преклюзии в административно-процессуальном праве, однако она является импульсом к тому, чтобы придерживаться немецкой модели более последовательно и аргументированно.

Профессор Уральского государственного юридического университета *Владимир Ярков* в докладе «Преклюзия в системе защиты прав в российском гражданском и административном судопроизводстве» указал на отсутствие в российской доктрине всеобъемлющей концепции преклюзивных санкций и в связи с этим посчитал весьма перспективным обращение к опыту стран континентальной и англосаксонской правовых систем. Хотя в российском гражданском процессе в некоторой степени распространена заимствованная из английского права доктрина «эстоппель», концепция преклюзивных санкций, имеющая более широкую сферу приложения, также может и должна развиваться (и уже развивается) в российском гражданском и административном судопроизводстве. Было предложено теоретически разработать концепцию преклюзивных санкций и определить их место в системе процессуальных правоотношений через концепцию юридических фактов и юридических условий. Кроме того, в докладе были раскрыты функции и признаки преклюзивных санкций, их связь с эффективностью и доступностью правосудия.

В завершение первой панели конференции были обсуждены вопросы, связанные с международными и наднациональными аспектами доступа к правосудию. Профессор Кельнского университета доктор права *Каролина фон Галль (Caroline von Gall)* посвятила доклад теме «Применение международного права судами Германии», обратив особое внимание на непосредственно действующие международные нормы, из которых возникают субъективные права. Профессор фон Галль раскрыла позицию ФКС Германии по поводу конфликта конституционных принципов обязательности исполнения международных договоров, включая Конвенцию

о защите прав человека и основных свобод и решения ЕСПЧ, с одной стороны, и верховенства Конституции — с другой. Центральное место среди этих позиций занимает следующая: из принципа дружественного отношения к международному праву (*Völkerrechtsfreundlichkeit*) вытекает обязанность правоприменителя учитывать Конвенцию и решения ЕСПЧ при толковании Конституции и законов (см. подробнее: Галль, Кюус 2017). В совместном докладе «Наднациональная система правовой защиты — ЕС и ЕАЭС: сравнительный анализ» доценты СПбГУ *Марина Трунк-Федорова* и *Екатерина Дмитрикова* затронули проблемы соотношения наднациональной и национальной юрисдикций, возможности и условия обращения в наднациональные органы за защитой субъективных прав — в Суд Европейского союза и Суд Евразийского экономического союза, а также с учетом европейского опыта и на основе критического анализа существующего правового регулирования внесли предложения по расширению возможностей доступа к судебной защите прав хозяйствующих субъектов в рамках ЕАЭС. Особую актуальность в настоящее время приобретает реализация потенциала обращения российских хозяйствующих субъектов в наднациональный судебный орган как важной гарантии доступа к правосудию, эффективность которой тесно связана с проблемой разграничения подведомственности между национальными и наднациональными правозащитными органами.

Вторая панель конференции была посвящена вопросам коллективной правовой и судебной защиты. Развитие коллективных способов судебной защиты субъективных прав и законных интересов представляет обоюдный интерес для России и Германии. В Германии механизмы коллективной судебной защиты в течение многих лет обсуждались в контексте гарантий эффективной судебной защиты прав потребителей. Такие инструменты, как иски объединений/ассоциаций (*Verbandsklagen*), модельные иски (*Musterklagen*) и иски об изъятии неправомерных доходов (*Klagen auf Gewinnabschöpfung*), находятся, особенно благодаря усиленной заинтересованности ЕС в развитии коллективных инструментов правовой защиты, в зоне особого внимания теории и практики. В России с введением в действие КАС инструменты коллективной судебной защиты, которые до этого были известны российскому гражданскому процессу, оказались законодательно закреплены в административном судопроизводстве. Вместе с тем российское законодательство и научная дискуссия по данной проблеме остаются весьма противоречивыми, многие вопросы все еще нуждаются в проработке. В рамках панели проблема коллективных способов судебной защиты освещалась с позиций немецких юристов-цивилистов (доклады руководителя отдела права России, Украины и стран СНГ Института восточноевропейского права Мюнхен/Регенсбург *Анттье Химмельрайх* (*Antje Himmelreich*) «Коллективная правовая защита: иски объединений и право объединений на предъявление иска в гражданском процессе Германии»; профессора Высшей школы Рейн-Майн *Райнера Ведде* (*Reiner Wedde*) «Совместные иски и модельные (пилотные) производства в гражданском процессуальном праве Германии»; российского административиста, канд. юрид. наук, доцента Сибирского федерального университета *Анны Васильевой* «Иски объединений в административном судебном процессе в России» (см. подробнее: Васильева 2018); немецкого ученого-государствоведа и компаративиста *Александра Бланкенагеля* «Коллективные способы защиты прав в публичном праве»).

Особое значение среди гарантий доступа к судебной защите имеет социальная поддержка такого доступа при недостаточности финансовых возможностей заявителя. Эта тема была избрана для *третьей панели* конференции. В странах англосаксонской правовой традиции, как и континентальной Европы, включая Германию, высокая стоимость процесса, высокие профессиональные требования ко всем его участникам и, как следствие повышение уровня затрат на ведение процесса, включая невозможность в ряде случаев непосредственного участия заявителя в процессе (институт обязательного представительства), остаются одними из самых острых проблем доступа к правосудию (Dannemann 1996; Johnson 2000; Ginsburg 2001; Goldschmidt 2002; Rhode 2004).

В России, во многом в силу советской традиции и в связи с относительно низким размером государственной пошлины, цена непосредственного участия заявителя в спорах с государством до сих пор не становилась препятствием в доступе к суду. В то же время такие инструменты, как финансовая помощь в целях ведения судебного процесса, бесплатные юридические консультации для малоимущих, особенно в условиях закрепления института обязательного представительства в рамках производства по отдельным категориям административных дел в КАС РФ (ч. 5 ст. 45 в сочетании со ст. 55), приобретают в России особую актуальность. Социальным гарантиям доступа к судебной защите были посвящены два доклада: немецкий опыт поддержки доступа малоимущих (нуждающихся) к суду представил профессор СУБ Берлина *Буркхард Брайг (Burkhard Breig)* в докладе «Поддержка доступа к судебной защите малоимущих в Германии», а российский — профессор СПбГУ *Нелли Дивеева* в докладе «Поддержка доступа нуждающихся к суду по российскому праву».

Наконец, темой *четвертой панели* конференции стало «Электронное правосудие (*e-Justice*) в контексте доступа к судебной защите». Электронная юстиция в России и Германии представляет собой особо актуальную и подверженную наибольшим изменениям сферу судебной деятельности, которая, с одной стороны, дает дополнительные возможности для реализации права на доступ к правосудию, а с другой — может нести определенные риски и трудности для достижения объективной истины и обеспечения справедливого судебного разбирательства. В Германии вопросами электронного правового оборота и электронными актами занимается специальная рабочая группа, созданная Комиссией Федерации и земель Германии по информационным технологиям в сфере юстиции. Опыту внедрения электронного правосудия в Германии и расширения в связи с этим возможностей доступа к суду был посвящен доклад канд. юрид. наук, магистра юриспруденции (СПбГУ), студентки Высшей школы экономики и права Берлина *Марии Проскуряковой* «Электронное правосудие в Германии: актуальное состояние и перспективы развития» (см. подробнее: Проскурякова 2018). Председательствующий судья Финансового суда Берлина-Бранденбурга *Ульрих Швенкерт (Ulrich Schwenkert)* выступил с докладом «Практические и правовые вопросы организации судебных слушаний в режиме видео-конференц-связи», сделав акцент на условиях и пределах использования данной формы заседаний, а также тех рисках, с которыми связано ее применение. Российский опыт электронного правосудия был представлен в докладе канд. юрид. наук, доцента СПбГУ *Тимура Соколова* «Состояние и перспективы развития электронной юстиции в Российской Федерации», а также в докладе

канд. юрид. наук, доцента Уральского государственного юридического университета, магистра права (Университет Киля) *Константина Брановицкого* «Информационные технологии в российском гражданском и арбитражном процессе с 1 января 2017 г.: некоторые результаты реформ». Докладчик обратился к вопросам использования информационных технологий в контексте обеспечения доступа к суду на примере актуальных законодательных изменений в российском гражданском и арбитражном процессе (см. подробнее: Брановицкий 2018). Гарантии доступа к суду были расширены в российском процессуальном законодательстве в 2016 г. путем закрепления электронной формы обращения в суд, а в конституционном судопроизводстве даже на год раньше, в 2015 г. (ч. 1 ст. 37 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» в ред. Федерального конституционного закона от 08.06.2015 № 5-ФКЗ; ч. 1, 1.1 ст. 3, ч. 1.1 ст. 35 Гражданского процессуального кодекса РФ в ред. Федерального закона от 23.06.2016 № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти»; ч. 1, 7 ст. 4, ч. 1 ст. 41 Арбитражного процессуального кодекса РФ в ред. Федерального закона от 23.06.2016 № 220-ФЗ; ч. 2 ст. 45 КАС РФ в ред. Федерального закона от 23.06.2016 № 220-ФЗ). В уголовном процессе это право выражается в направлении в суд участниками уголовного судопроизводства ходатайств, заявлений, жалоб, представлений в электронной форме в ходе досудебного и судебного производства по уголовному делу (ч. 1 ст. 474.1 Уголовно-процессуального кодекса РФ в ред. Федерального закона от 23.06.2016 № 220-ФЗ), а в конституционном судопроизводстве уже в 2015 г. (ч. 1 ст. 37 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» в ред. Федерального конституционного закона от 08.06.2015 № 5-ФКЗ). По масштабам распространения электронной формы обращения в суд Российская Федерация опережает Германию, где, например, электронная форма конституционной жалобы до сих пор не предусмотрена (по состоянию на 1 декабря 2018 г.)⁷. В то же время электронный документооборот судов с заявителями предполагает появление новых полномочий секретариата по проверке и обработке поданных в электронном виде документов, а также новых вопросов по соблюдению при этом гарантий доступа к суду.

4. Заключение. Прошедший 2018 г. примечателен не только знаменательными юбилеями первой советской и действующей российской Конституции, но и пятидесятилетием партнерских связей СПбГУ и СУБ. За это время реализовано немало совместных научных проектов, проведены конференции, форумы, симпозиумы. Говоря об итогах российско-германской конференции 2017 г., на которой обсуждались различные аспекты права-гарантии доступа к суду в Германии и России, можно констатировать, что обе стороны открыли для себя много нового и интересного, хотя отдельные вопросы были решены лишь отчасти, в первом приближении. Конструктивный обмен мнениями и использование сравнительно-правового подхода

---

⁷ Так, в соответствии с Решением ФКС Германии от 19.11.2018 (BVerfG: Beschluss v. 19.11.2018, 1 BvR 2391/18) конституционная жалоба, поданная по электронной почте, не была принята к производству со ссылкой на § 23 Закона о ФКС, предусматривающий письменную форму для подачи жалобы (Verfassungsbeschwerde per De-Mail wird vom Bundesverfassungsgericht als unzulässig behandelt // Haufe Online Redaktion. News. 18.12.2018. https://www.haufe.de/recht/weitere-rechtsgebiete/prozessrecht/verfassungsbeschwerde-per-email-ist-unzulaessig_206_480320.html).

помогли извлечь уроки из опыта друг друга, выработать рекомендации по развитию и укреплению гарантий доступа к правосудию в России и Германии. Надеемся, что начатое 50 лет назад партнерское сотрудничество СПбГУ и СУБ позволит и в будущем осуществить немало совместных научных проектов.

Библиография

- Абова, Тамара Е. 2000. «Арбитражный суд в судебной системе России». *Государство и право* 9: 5–14.
- Абросимова, Елена Б. 2001. «Проблемы свободного доступа к правосудию в Российской Федерации». *Конституционное право: восточноевропейское обозрение* 3 (36): 173–181.
- Абросимова, Елена Б. 2003. «Некоторые принципы организации и деятельности судебной власти». *Судебная власть*, под ред. Игоря Л. Петрухина. М.: ООО «ТК Велби»: 210–320.
- Баранов, Сергей В. 2011. «Доступность суда как условие реализации конституционного права на судебную защиту в Российской Федерации». Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Донской государственный аграрный университет.
- Брановицкий, Константин Л. 2018. «Использование информационных технологий в контексте оптимизации гражданского судопроизводства». *Закон* 1: 59–70.
- Васильева, Анна Ф. 2009. «Защита субъективного публичного права в позитивном государственном управлении». *Актуальные проблемы российского права* 3 (12): 182–187.
- Васильева, Анна Ф. 2018. «Административные иски общественных объединений в защиту чужих интересов». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 3: 291–309. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu14.2018.302>.
- Гаджиев, Ханлар И. 2019. «Правовые доктрины, содействующие эффективности имплементации Конвенции в национальный правовой порядок». *Имплементация решений Европейского суда по правам человека в российской правовой системе: концепции, правовые подходы и практика обеспечения*. Хабриева, Талия Я., Капустин, Анатолий Я., Ковлер, Анатолий И. и др. М.: ИЗ-иСП: Норма: ИНФРА-М: 89–114.
- Галь, Каролина фон, Куюс, Лиза. 2017. «Применение международного права судами Германии». *Сравнительное конституционное обозрение* 6 (121): 78–86.
- Гриценко, Елена В. 2016. «Субъективное публичное право как объект судебной защиты». *Журнал конституционного правосудия* 4: 27–30.
- Елистратов, Аркадий И. 1913. *Понятие о публичном субъективном праве. Теория субъективных публичных прав*. А. А. Рождественского. М.: Печатня А. И. Снегиревой.
- Жуйков, Виктор М. 2006. *Судебная реформа: проблемы доступа к правосудию*. М.: Статут.
- Килинкарлова, Елена В. 2012. «Российско-германский симпозиум “Межбюджетные отношения и финансовое выравнивание в России и Германии” (8–9 апреля 2011 г., Санкт-Петербург)». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 1: 96–101. <https://lawjournal.spbu.ru/article/view/4028>.
- Кистяковский, Богдан А. 1916. *Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права*. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых.
- Кустова, Маргарита В. 2018. «Гарантии прав налогоплательщика в процедурах досудебного обжалования: последовательность правовых позиций». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 3: 353–369. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu14.2018.306>
- Михайловская, Инга Б. 2003. «Общая теория судебной власти». *Судебная власть*, под ред. Игоря Л. Петрухина. М.: ООО «ТК Велби»: 13–101.
- Мицкевич, Людмила А. 2004. «Субъективные публичные права граждан». *Административно-правовой статус гражданина*, отв. ред. Наталия Ю. Хаманева. М.: ИПП РАН: 79–83.
- Приходько, Игорь А., Вицин, Сергей Е., Пацация, Малхаз Ш. и др. 2001. *Проблемы доступности и эффективности правосудия в арбитражном и гражданском судопроизводстве: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф.* М.: Лиджист. Малхаз Ш.
- Проскуракова, Мария И. 2018. «Электронное правосудие в Германии: актуальное состояние и перспективы развития». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 3: 433–447. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu14.2018.312>.

- Рождественский, Алексей А. 1913. *Теория субъективных публичных прав: критико-систематическое исследование. Ч. 1: Основные вопросы теории субъективных публичных прав*. М.: Печатня А. Снегиревой.
- Синицын, Сергей А. 2016. «Субъективные публичные права: к разработке вопроса о понятии и системе». *Адвокат* 7: 20–37.
- Фокин, Евгений. 2018. «Эволюция идей доступности правосудия в правовой науке и практике Европейского суда по правам человека». *Международное правосудие* 4 (28): 97–112.
- Харрис, Дэвид, О'Бойл, Майкл, Бейтс, Эдвард, Бакли, Карла. 2018. *Право Европейской конвенции по правам человека*. М.: Развитие правовых систем.
- Шевелева, Наталья А. 2018. «Конституционно-правовая защита участников бюджетных отношений в Российской Федерации». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 2: 157–171. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu14.2018.203>.
- Andrews, Carol Rice. 1999. "A Right of Access to Court Under the Petition Clause of the First Amendment: Defining the Right". *Ohio State Law Journal* 60 (2): 557–691. <https://kb.osu.edu/handle/1811/64998>.
- Bühler, Ottmar. 1914. *Die subjektiven öffentlichen Rechte und ihr Schutz in der deutschen Verwaltungsrechtssprechung*. Berlin; Stuttgart; Leipzig: Kohlhammer.
- Cappelletti, Mauro (ed.). 1978. *Access to Justice. Vol. 1: A world survey, Book 1, 2*. Milan: Sijthoff and Noordhoff: Giuffrè.
- Cappelletti, Mauro (ed.). 1979a. *Access to Justice. Vol. 2: Promising institutions, Book 1, 2*. Milan: Sijthoff and Noordhoff: Giuffrè.
- Cappelletti, Mauro (ed.). 1979b. *Access to Justice. Vol. 3: Emerging issues and perspectives*. Milan: Sijthoff and Noordhoff: Giuffrè.
- Cappelletti, Mauro (ed.). 1979в. *Access to Justice. Vol. 4: The Anthropological Perspective: Patterns in Conflict Management: Essays in the Ethnography of Law*. Milan: Sijthoff and Noordhoff: Giuffrè.
- Cappelletti, Mauro (ed.). 1981. *Access to Justice and the Welfare State*. Alphen aan den Rijn: Sijthoff; Stuttgart: Klett-Cotta; Bruxelles: Bruylant; Firenze: Le Monnier.
- Cappelletti, Mauro (ed.). 1989. *The Judicial Process in Comparative Perspective*. Oxford: Clarendon Press.
- Cox, James D. 2012. "Foreword: Access to Justice", *Law and Contemporary Problems* 75: i–iv. <https://scholarship.law.duke.edu/lcp/vol75/iss1/11>.
- Cremer, Wolfram. 2003. *Freiheitsgrundrechte: Funktionen und Strukturen*. Tübingen: J. C. B. Mohr.
- Dannemann, Gerhard. 1996. "Access to Justice: an Anglo-German Comparison". *European Public Law* 2: 271–292. <http://www.iuscomp.org/gla/literature/access.htm>.
- Ginsburg, Ruth B. 2001. "In Pursuit of the Public Good: Access to Justice in the United States". *Washington University Journal of Law & Policy* 7: 1–15.
- Goldschmidt, Jona. 2002. "The pro se litigant's struggle for access to justice: Meeting the Challenge of Bench and Bar Resistance". *Family Court Review* 40 (1): 36–62.
- Gusy, Christoph. 2004. *Menschenwürde und Strafverfahren*. Vortrag. <http://www.jura.uni-bielefeld.de/lehrestuehle/gusy/veroeffentlichungen/vortraege>.
- Harlow, Carol. 1999. "Access to Justice as a Human Right: The European Convention and the European Union". *The EU and Human Rights*, eds P. Alston, M. Bustelo, J. Heenan. Oxford; New York: Oxford University Press: 187–214.
- Huber, Peter M. 2010. "Artikel 19". *GG Kommentar*, Bd. I. 6. Auflage. München: Verlag Vahlen: 1759–1913.
- Jellinek, Georg. 1892. *System der subjektiven öffentlichen Rechte*. Freiburg: Akademische Verlagsbuchhandlung von J. C. B. Mohr.
- Jhering, Rudolf v. 1865. *Geist des römischen Rechts auf verschiedenen Stufen seiner Entwicklung*. Leipzig.
- Jones, David L. 2003. "Article 6 ECHR and Immunities Arising in Public International Law". *The International and Comparative Law Quarterly* 52 (2): 463–472.
- Johnson, Justice Earl Jr. 2000. "Equal Access to Justice: Comparing Access to Justice in the United States and Other Industrial Democracies". *Fordham International Law Journal* 24 (6): 83–110.
- Kahl, Wolfgang, Ohlendorf, Lutz. 2010. "Das subjektive öffentliche Recht — Grundlagen und aktuelle Entwicklungen im nationalen Recht". *Juristische Ausbildung* 12: 872–879.
- Klein, Hans-Hugo. 1972. *Die Grundrechte im demokratischen Staat: kritische Bemerkungen zur Auslegung der Grundrechte in der deutschen Staatsrechtslehre der Gegenwart*. Stuttgart: Verlag W. Kohlhammer.

- Kröger, Klaus. 1978. *Grundrechtstheorie als Verfassungsproblem*. Baden-Baden: Nomos-Verlagsgesellschaft.
- Rhode, Deborah L. 2004. *Access to justice*. Oxford: Oxford University Press.
- Scherzberg, Arno. 2006. "Das subjektiv-öffentliche Recht — Grundfragen und Fälle". *Juristische Ausbildung* 11: 839–848.
- Siegel, Thorsten. 2016. "Die Präklusion im europäisierten Verwaltungsrecht". *Neue Zeitschrift für Verwaltungsrecht (NVwZ)* 6: 337–342.
- Sodan, Helge. 2018. "Kommentar zu § 42". *VwGO. Verwaltungsgerichtsordnung. Großkommentar*. Hrsg. v. Helge Sodan, Jan Ziekow. Baden-Baden: Nomos: 631–810.
- Vladek, Stephen I. 2009. "Boumediene's Quiet Theory: Access to Courts and the Separation of Powers". *Notre Dame Law Review* 84: 2107–2150. https://digitalcommons.wcl.american.edu/facsch_lawrev/9.
- Voigts, Helge-Marten. 2016. *Die Subjektivierung von Gemeinwohlinteressen als Demokratisierung der Verwaltung*. Berlin; Münster: LIT.
- Voßkuhle, Andreas, Kaiser, Anna-Bettina. 2009. "Grundwissen — Öffentliches Recht: Das subjektiv-öffentliche Recht". *Juristische Schulung (JuS)* 1: 17–19.

Статья поступила в редакцию 31 декабря 2018 г.;
рекомендована в печать 27 августа 2019 г.

Контактная информация:

Гриценко Елена Владимировна — д-р юрид. наук, проф.; e.gritsenko@spbu.ru
Хайнтцен Маркус — д-р юрид. наук, проф.; markus.heintzen@fu-berlin.de

Access to judicial protection in Russia and Germany*

E. V. Gritsenko¹, M. Heintzen²

¹ St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

² Free University of Berlin,
3, Boltzmannstr., Berlin, 14195, Germany

For citation: Gritsenko, Elena V., Heintzen, Markus. 2019. "Access to judicial protection in Russia and Germany". *Vestnik of Saint Petersburg University. Law* 4: 733–755. (In Russian)
<https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.409>

The grounds for and conditions of access to judicial protection in citizens' disputes with the state continue to be the subject of heated debates in many countries, including those who great experience in regulating disputes. In Germany, the admissibility of an administrative claim is traditionally associated with the "protective norm" (Schutznorm) and a person's own interest in protecting his violated subjective public right directly by the action or inaction of public authority. Such a rigid approach creates obstacles for the judicial protection of supra-individual interests and collective rights. In this regard, the German doctrine of protective norms and subjective public rights is facing new challenges. There are two perceived ways to resolve the problem — either recognize the subjective legal nature of collective rights and interests, or expand the object of judicial protection to include violated general rights and interests of a certain or indefinite circle of persons. With the new Administrative Court Procedure Code coming into effect, Russia felt the need to define rights, freedoms and legal interests as an object of judicial protection in disputes between citizens and the state, as well as to define

---

* The article was prepared within the framework of scientific Project No. 16-03-00465-OGN "Access to judicial protection of the subjective public rights: limits, social benefits and perspectives of development in the era of e-justice" supported by the Russian Foundation of Basic Research (RFBR).

acts and actions of public authority as an object of appeal. Studying the German theory and practice of access to courts in disputes with the state can enrich the Russian legal system. In turn, the Russian experience of social support for access to justice, as well as the introduction of e-justice, can be useful in Germany. The article offers a presentation of the main ideas and results of the fifth joint Russian-German conference. It was organized by the law departments of the Free University of Berlin and St. Petersburg State University with the support of the German Research Society (DFG) and the Russian Foundation for Basic Research (RFBR).

Keywords: access to justice, subjective public rights, constitutional jurisdiction, administrative jurisdiction, collective legal remedies, legal aid, e-justice.

References

- Abova, Tamara E. 2000. "Commercial Court in the judicial system of Russia". *Gosudarstvo i pravo* 9: 5–14. (In Russian)
- Ambrosimova, Elena B. 2001. "Problems of free access to justice in Russian Federation". *Konstitutsionnoe pravo: vostochnoevropeiskoe obozrenie* 3 (36): 173–181. (In Russian)
- Ambrosimova, Elena B. 2003. "Several principles of organization and activity of judicial authority". *Sudebnaia vlast'*, ed. Igor' L. Petrukhin. Moscow, OOO "TK Velbi" Publ.: 210–320. (In Russian)
- Andrews, Carol Rice. 1999. "A Right of Access to Court under the Petition Clause of the First Amendment: Defining the Right". *Ohio State Law Journal* 60 (2): 557–691. <https://kb.osu.edu/handle/1811/64998>.
- Baranov, Sergei V. 2011. "Accessibility of the court as a condition for the implementation of the constitutional right to judicial protection in the Russian Federation". PhD diss. Don State Agrarian University. (In Russian)
- Branovitskii, Konstantin L. 2018. "Information technology used as a way of optimising civil litigation". *Zakon* 1: 59–70. (In Russian)
- Bühler, Ottmar. 1914. *Die subjektiven öffentlichen Rechte und ihr Schutz in der deutschen Verwaltungsrechtssprechung*. Berlin, Stuttgart, Leipzig, Kohlhammer.
- Cappelletti, Mauro (ed.). 1978. *Access to Justice. Vol. 1: A world survey, Book 1, 2*. Milan, Sijthoff; Noordhoff, Giuffrè.
- Cappelletti, Mauro (ed.). 1979a. *Access to Justice. Vol. 2: Promising institutions, Book 1, 2*. Milan, Sijthoff; Noordhoff, Giuffrè.
- Cappelletti, Mauro (ed.). 1979b. *Access to Justice. Vol. 3: Emerging issues and perspectives*. Milan, Sijthoff; Noordhoff, Giuffrè.
- Cappelletti, Mauro (ed.). 1979c. *Access to Justice. Vol. 4: The Anthropological Perspective: Patterns in Conflict Management: Essays in the Ethnography of Law*. Milan, Sijthoff; Noordhoff, Giuffrè.
- Cappelletti, Mauro (ed.). 1981. *Access to Justice and the Welfare State*. Alphen aan den Rijn, Sijthoff; Stuttgart, Klett-Cotta; Bruxelles, Bruylant; Firenze, Le Monnier.
- Cappelletti, Mauro (ed.). 1989. *The Judicial Process in Comparative Perspective*. Oxford, Clarendon Press.
- Cox, James D. 2012. "Foreword: Access to Justice", *Law and Contemporary Problems* 75: i–iv. <https://scholarship.law.duke.edu/lcp/vol75/iss1/11>.
- Cremer, Wolfram. 2003. *Freiheitsgrundrechte: Funktionen und Strukturen*. Tübingen, J. C. B. Mohr.
- Dannemann, Gerhard. 1996. "Access to Justice: an Anglo-German Comparison". *European Public Law* 2: 271–292. <http://www.iuscomp.org/gla/literature/access.htm>.
- Eliustratov, Arkadiy I. 1913. *The concept of public subjective right. The theory of Subjective Public Rights of A. A. Rozhdestvenskii*. Moscow, Pechatnia A. I. Snegirievoi Publ. (In Russian)
- Fokin, Evgeniy. 2018. "Evolution of ideas of access to justice in the legal studies and practice of the European Court of Human Rights". *Mezhdunarodnoe pravosudie* 4 (28): 97–112. (In Russian)
- Ginsburg, Ruth B. 2001. "In Pursuit of the Public Good: Access to Justice in the United States". *Washington University Journal of Law & Policy* 7: 1–15.
- Goldschmidt, Jona. 2002. "The pro se litigant's struggle for access to justice: Meeting the Challenge of Bench and Bar Resistance". *Family Court Review* 40 (1): 36–62.

- Gritsenko, Elena V. 2016. "The subjective public right as an object of judicial protection". *Journal konstitutsionnogo pravosudiia* 4: 27–30. (In Russian)
- Gusy, Christoph. 2004. *Menschenwürde und Strafverfahren*. Vortrag. <http://www.jura.uni-bielefeld.de/lehrestuehle/gusy/veroeffentlichungen/vortraege>.
- Hadzhiev, Hanlar I. 2019. "Legal doctrines promoting the effectiveness of the implementation of the Convention in the national legal order". *Implementatsiia reshenii Evropeiskogo Suda po pravam cheloveka v rossiiskoi pravovoi sisteme: kontseptsii, pravovye podkhody i praktika obespecheniia*. Khabrieva, Taliya Y., Kapustin, Anatoliy Y., Kovler, Anatoliy I. et al. Moscow, IZiSP, Norma, INFRA-M Publ.: 89–114. (In Russian)
- Harlow, Carol. 1999. "Access to Justice as a Human Right: The European Convention and the European Union". *The EU and Human Rights*, eds P. Alston, M. Bustelo, J. Heenan. Oxford; New York, Oxford University Press: 187–214.
- Harris, David, O'Boyle, Michael, Bates, Ed, Buckley, Carla. 2018. *Law on the European Convention on Human Rights*. Russ. ed. Moscow, Razvitie pravovykh system Publ. (In Russian)
- Huber, Peter M. 2010. "Artikel 19". *GG Kommentar*, Bd. I. 6. Auflage. München, Verlag Vahlen: 1759–1913.
- Jellinek, Georg. 1892. *System der subjektiven öffentlichen Rechte*. Freiburg, Akademische Verlagsbuchhandlung von J. C. B. Mohr.
- Jhering, Rudolf v. 1865. *Geist des römischen Rechts auf verschiedenen Stufen seiner Entwicklung*. Leipzig.
- Jones, David L. 2003. "Article 6 ECHR and Immunities Arising in Public International Law". *The International and Comparative Law Quarterly* 52 (2): 463–472.
- Johnson, Justice Earl Jr. 2000. "Equal Access to Justice: Comparing Access to Justice in the United States and Other Industrial Democracies". *Fordham International Law Journal* 24 (6): 83–110.
- Kahl, Wolfgang and Lutz Ohlendorf. 2010. "Das subjektive öffentliche Recht — Grundlagen und aktuelle Entwicklungen im nationalen Recht". *Juristische Ausbildung* 12: 872–879.
- Kilinkarova, Elena V. 2012. "Russian-German Symposium 'Interbudgetary relations and financial equalization in Russia and Germany' (April 8–9, 2011, St. Petersburg)". *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo* 1: 96–101. <https://lawjournal.spbu.ru/article/view/4028>. (In Russian)
- Kistiakovskiy, Bogdan A. 1916. *Social sciences and Law. Essays on the methodology of social sciences and the general theory of law*. Moscow, M. i S. Sabashnikovyykh Publ. (In Russian)
- Klein, Hans-Hugo. 1972. *Die Grundrechte im demokratischen Staat: kritische Bemerkungen zur Auslegung der Grundrechte in der deutschen Staatsrechtslehre der Gegenwart*. Stuttgart, Verlag W. Kohlhammer.
- Kröger, Klaus. 1978. *Grundrechtstheorie als Verfassungsproblem*. Baden-Baden, Nomos-Verlagsgesellschaft.
- Kustova, Margarita V. 2018. "Guarantees of taxpayers' rights in the procedures of pre-judicial appeal: Consistence of legal positions". *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo* 3: 353–369. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu14.2018.306>. (In Russian)
- Mikhailovskaia, Inga B. 2003. "General theory of the judiciary". *Sudebnaia vlast'*, ed. Igor' L. Petrukhin. Moscow, OOO "TK Velbi" Publ.: 13–101. (In Russian)
- Mitskevich, Liudmila A. 2004. "Subjective public rights of citizens". *Administrativno-pravovoi status grazhdanina*, ed. Natalia Y. Hamaneva. Moscow, IGP RAN Publ.: 79–83. (In Russian)
- Prikhod'ko, Igor' A., Vitsin, Sergei E., Patsatsiya, Malkhaz Sh. et al. 2001. *The Problems of accessibility and effectiveness of justice in commercial and civil procedure: materials of the Russian Scientific and Practical conference*. Moscow, Lidjist Publ. (In Russian)
- Proskuriakova, Maria I. 2018. "E-Justice in Germany: Current status and development prospects". *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo* 3: 433–447. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu14.2018.312>. (In Russian)
- Rhode, Deborah L. 2004. *Access to justice*. Oxford, Oxford University Press.
- Rozhdestvenskiy, Aleksey A. 1913. *Theory of subjective public rights: critical systematic research. Part 1: Basic questions of the theory of subjective public rights*. Moscow, Pechatnia A. Snegirievoi Publ. (In Russian)
- Scherzberg, Arno. 2006. "Das subjektiv-öffentliche Recht — Grundfragen und Fälle". *Juristische Ausbildung* 11: 839–848.
- Sheveleva, Natalia A. 2018. "Constitutional protection to participants of budgetary relations in the Russian Federation". *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo* 2: 157–171. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu14.2018.203>. (In Russian)

- Siegel, Thorsten. 2016. "Die Präklusion im europäisierten Verwaltungsrecht". *Neue Zeitschrift für Verwaltungsrecht (NVwZ)* 6: 337–342.
- Sinitsyn, Sergei A. 2016. "The subjective public rights: concept and system development". *Advokat* 7: 20–37. (In Russian)
- Sodan, Helge. 2018. "Kommentar zu § 42". *VwGO. Verwaltungsgerichtsordnung. Großkommentar*. Hrsg. v. Helge Sodan, Jan Ziekow. Baden-Baden, Nomos: 631–810.
- Vasil'eva, Anna F. 2009. "Protection of subjective public law in positive government". *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava* 3 (12): 182–187. (In Russian)
- Vasil'eva, Anna F. 2018. "Non-governmental associations' administrative claims in behalf of interests of others". *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo* 3: 291–309. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu14.2018.302>. (In Russian)
- Vladek, Stephen I. 2009. "Boumediene's Quiet Theory: Access to Courts and the Separation of Powers". *Notre Dame Law Review* 84: 2107–2150. https://digitalcommons.wcl.american.edu/facsch_lawrev/9.
- Voigts, Helge-Marten. 2016. *Die Subjektivierung von Gemeinwohlinteressen als Demokratisierung der Verwaltung*. Berlin; Münster, LIT.
- Voßkuhle, Andreas, Kaiser, Anna-Bettina. 2009. "Grundwissen — Öffentliches Recht: Das subjektiv-öffentliche Recht". *Juristische Schulung (JuS)* 1: 17–19.
- Zhuikov, Viktor M. 2006. *Judicial reform: problems of access to justice*. Moscow, Statut Publ. (In Russian)

Received: December 31, 2018

Accepted: August 27, 2019

Authors' information:

Elena V. Gritsenko — Dr. Sci. in law, professor; e.gritsenko@spbu.ru

Markus Heintzen — Dr. Sci. in law, professor; markus.heintzen@fu-berlin.de